

Советское партизанское движение

В. А. Пережогин*

Советское партизанское движение против немецко-фашистских захватчиков вошло в историю мировых войн XX в. как совершенно уникальное явление. По своему размаху, массовости и эффективности боевых действий оно оказалось неожиданным как для противника, так и руководства собственной страны. Германское командование предполагало вероятность сопротивления советских людей на оккупированной территории, но в ограниченном и незначительном размере. Предвоенная советская доктрина ориентировала Красную Армию на разгром врага в приграничных сражениях и исключала возможность оккупации советской территории. Ни одна из сторон не была подготовлена к реально развернувшимся событиям.

Народная борьба в тылу немецко-фашистских войск развивалась в условиях жесточайшего оккупационного режима. Советские люди, оказавшиеся за линией фронта, испытали на себе все ужасы так называемого нового порядка, который захватчики насаждали посредством кровавого террора. Городское и сельское население было взято на строгий учет. Новые лица, появляющиеся в городах и деревнях, подлежали немедленной регистрации в полиции. Передвижение между населенными пунктами без разрешения властей запрещалось. В принудительном порядке рабочие в городах направлялись на восстановление промышленных предприятий, а сельские жители привлекались к материально-бытовому обслуживанию воинских частей и полицейских формирований. Лица, уклонявшиеся от работы на оккупантов, бросали в тюрьмы или уничтожали. Непомерные налоги, систематические поборы и штрафы обрекали большинство населения на голод и вымирание.

Важную роль в развертывании советского партизанского движения сыграли директива СНК СССР

и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. советским и партийным организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил на отпор врагу, а также постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 г. о задачах борьбы в тылу врага. Однако эти документы были секретными. Их содержание знал лишь узкий круг партийных и советских работников, находившихся главным образом в советском тылу. Основной массе населения оккупированной территории эти документы были тогда неизвестны. Люди там в своих поступках и поведении руководствовались, прежде всего, мерой осознания личной ответственности и долга защищать от иноземных захватчиков свой дом, село, страну в целом.

В начале войны развитие партизанского движения испытывало большие трудности из-за отсутствия подготовленных кадров, разработанной системы руководства, заранее созданных скрытых баз с оружием и продовольствием. Борьбу с опытным и хорошо вооруженным противником пришлось начинать практически с нуля.

Источники рисуют довольно пеструю картину настроения и поведения людей, внезапно оказавшихся в зоне оккупации. «Большая часть населения, — отмечалось в донесении партизанского отдела политуправления Ленинградского фронта от 5 сентября 1941 г., — в силу репрессий, распространения немцами провокационных слухов и не имея сведений о действительном положении на фронте, с затаенной злобой и под страхом смерти выполняют волю немецких захватчиков¹. Эти простые советские граждане готовы были включиться в активную борьбу с захватчиками, но еще не знали, как это сделать. Одной из первых форм сопротивления стала их забота о красноармейцах, оказавшихся в окружении или бежавших из плена. Многие жители тайком от оккупантов кормили их, прятали от облав, оказывали им первую медицин-

* Виталий Афанасьевич Пережогин — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

скую помощь, переодевали в гражданское платье, переправляли их в качестве проводников к своим за линию фронта.

Однако далеко не все жители даже в одной деревне были настроены столь патриотично. В дневнике немецкого солдата, найденном в начале 1942 г., содержится следующая запись: «В Лозовой (Харьковская область) имели контакт с русским населением. Очень многих нельзя было разуверить в том, что большевизм в конце концов одержит победу. Другие не знали, в какую краску перекраситься. И, наконец, некоторые настроены были очень дружелюбно к немцам и желали, чтобы большевики были подальше. Происходило ли это от убеждений или от страха, я не знаю»². К сожалению, «перекрасившихся», открытых и тайных врагов советской власти и шкурников оказалось немало. Из их числа, по немецким данным, к началу 1942 г. 60 421 человек поступил на службу Германии в качестве полицаев, сельских старост, мелких чиновников органов управления оккупационного режима и т. д.³ Много замечательных людей погибло от рук предателей и изменников.

Разнородность поведения жителей по отношению к оккупантам крайне затрудняла установление и поддержание связи партизан с патриотически настроенными людьми, готовыми оказывать им всемерную помощь. В этой обстановке наиболее уверенно чувствовали себя те отряды, бойцы которых являлись выходцами из местных деревень и сел; значительный их процент составляли военнослужащие-окруженцы, вернувшиеся в родные места. Самой надежной опорой партизан в деревнях и селах были семьи, в которых кто-либо из их родных и близких находился в отрядах или сражался с врагом в рядах Красной Армии.

Сила, боевая активность и жизнеспособность партизанских отрядов самым непосредственным образом зависели от поддержки их местным населением. Оно пополняло ряды партизан новыми бойцами, обеспечивало продовольствием и одеждой, собирало для них на полях сражений оружие и боеприпасы, вело разведку в стане врага и т. д. «Работа с населением, — делился опытом командир партизанского соединения Герой Советского Союза генерал-майор А. Н. Сабуров, — это самый жизненный фактор в партизанской борьбе. Без связи с населением существовать партизанское движение не может, делается нежизненным. Все резервы партизанского пополнения идут от населения. Не работая с населением, не имея связи с ним, вы не получите пополнения и не будете иметь помощи от населения»⁴.

Сложно было наладить прочные связи с населением тем отрядам и группам, которые перебрасывались в тыл противника через линию фронта в районы, где у них не было ни родственников, ни даже знакомых. Случалось и так, что, опасаясь раскрытия мест своего расположения или проникновения в их ряды вражеских агентов, такие отряды самоизолировались

от населения. Израсходовав взятые с собой боеприпасы и продовольствие, они оказывались в очень тяжелом положении. Особенно наглядно это видно на примере Ленинградской области. Из 129 городских и 158 сельских партизанских отрядов, действовавших на оккупированной территории с начала войны, по состоянию на 1 января 1942 г. осталось в тылу врага 20 городских (397) и 40 сельских (1568 человек) партизанских отрядов⁵. Судьба остальных отрядов сложилась по-разному: многие вышли в советский тыл или распались, значительное число погибло в боях с карательными войсками.

В самоизолировавшихся отрядах от населения нередко падала дисциплина, вплоть до самоуправства в отношении мирных жителей, мародерства, произвола и даже расстрелов. В Ленинском поселке Мглинского района Орловской области группа партизан из отряда имени Г. И. Котовского избивала гражданку С. Снытко, муж и сын которой находились в партизанах, а второй сын служил в Красной Армии. В том же поселке бойцы 5-й Ворговской партизанской бригады забрали корову у жены красноармейца Т. Лобановой⁶.

Наблюдались и другие действия партизан, которые по своей сути противоречили интересам местных жителей. Так, диверсионная группа Армавирского партизанского соединения Краснодарского края взорвала мельницу в станице Советской. С этой же целью партизаны направились в станицу Бесскорбную. Однако местные жители встали на защиту второй мельницы, так как населению негде было производить помол зерна⁷.

Такие поступки, естественно, отталкивали население от партизан. Сохранившиеся документы свидетельствуют: к нарушителям законности, уличенным в мародерстве и произволе над мирными жителями, применялись самые строгие меры воздействия.

Для налаживания тесных и взаимоприемлемых отношений между партизанами и населением требовался величайший такт, умелый подход, не ущемляющий чести и достоинства местных жителей, исключая произвол и насильственное изъятие продовольствия и одежды. Правильно налаженный контакт с населением гарантировал отряду непрерывный приток свежих сил, регулярное материальное обеспечение и широкую осведомленность в окружающей обстановке.

Большую роль в организации и становлении первых партизанских отрядов сыграли военнослужащие, оказавшиеся в окружении или бежавшие из плена. Летом 1942 г. доля воинов-окруженцев в партизанских отрядах Ленинградской, Калининской, Смоленской и Орловской областей составляла 30–60%, в украинских партизанских соединениях доходила до 50 и более процентов всего личного состава⁸.

Для большинства советских патриотов, впервые взявшихся за оружие, военнослужащие были первыми наставниками и командирами, примером поведения в бою и постижении сурового солдатского

быта. Многие из них занимали в отрядах командно-политические должности⁹.

Основной организационной и боевой единицей партизан с самого начала борьбы стал самостоятельный действовавший отряд, численность которого не превышала 80–100 человек. Бойцы объединялись во взводы (группы) и отделения. Во главе отряда стоял командир, комиссар, а иногда и начальник штаба. На вооружении находилось в основном легкое стрелковое оружие, которое удавалось собрать на местах сражений или добыть у противника. Базировались отряды обычно в границах собственного района на хорошо знакомой местности, опираясь на помощь благонадежных жителей.

Осенью и зимой 1941/42 г. наряду с отрядами во многих населенных пунктах образовались и действовали подпольные партизанские группы. Они накапливали оружие и боеприпасы, вели среди населения антифашистскую пропаганду, выявляли единомышленников, проводили различные диверсионные акты. Переход к открытой вооруженной борьбе сдерживался, как правило, отсутствием оборудованных лесных лагерей, запасов продовольствия, суровыми условиями зимы.

Разгром немецких войск под Москвой ускорил формирование отрядов, вызвав подъем патриотизма и стремление к активным боевым действиям. Многие партизанские группы вышли из подполья и приступили к открытой борьбе с оккупантами. Они быстро перерастали в крупные отряды за счет притока окруженцев, а также добровольцев из числа городского и сельского населения, на их вооружении помимо винтовок и автоматов появились минометы, пушки, а в отдельных отрядах даже танки. Определенное представление об обстановке в тылу противника в этот период дает донесение политуправления Брянского фронта от 2 мая 1942 г.: «Партизанские отряды растут. Люди собирают оружие, вооружаются и идут в партизанские отряды. Некоторые даже за хлеб покупают винтовки — пуд за винтовку, четыре пуда — за пулемет. Смеются, осуждают тех, кто не имеет оружия. Зимой прорубили лед и искали оружие в реке. Дети помогают собирать оружие». Далее в сообщении приведены данные о многократном, в десятки и сотни раз, увеличении численности бойцов в отрядах брянских партизан¹⁰.

Аналогичная обстановка сложилась во многих партизанских отрядах на оккупированной территории. Всего в мае 1942 г. насчитывалось уже около 500 партизанских отрядов численностью свыше 70 тыс. человек. Потери, понесенные зимой 1941/42 г., были почти полностью восстановлены. Рост и активность партизанских сил приобрели такой размах, что оккупанты были изгнаны из сотен населенных пунктов. Освобожденная в тылу противника территория получила название партизанского края. Весной 1942 г. их насчитывалось в Ленинградской области — 1, Смоленской — 4, Орловской — 2, Бе-

лоруссии — 4. Занимаемая ими площадь равнялась 50 тыс. кв. км и значительно превышала земельные пространства таких государств, как Дания и Люксембург, вместе взятые. В партизанских краях находилось более 40 тыс. партизан и десятки тысяч бойцов групп самообороны населенных пунктов¹¹.

На освобожденных территориях партизаны накапливали и обучали резервы, лечили раненых и больных, строили аэродромы для приема самолетов с Большой земли. Отсюда разведывательно-диверсионные группы, отряды и соединения уходили в длительные рейды и на задания по разгрому вражеских гарнизонов, для подрыва воинских эшелонов, разрушения железнодорожных и шоссейных мостов. Сюда они возвращались после выполнения задания для отдыха и пополнения. В партизанских краях находили укрытие тысячи советских граждан, спасавшихся от уничтожения и угона в Германию. Здесь легально действовали органы советской власти и партийные комитеты, работали школы, больницы и промышленные предприятия. Процесс расширения существующих и образования новых партизанских краев проходил на протяжении всей войны. Естественно, что границы освобожденных от оккупантов территорий и численность партизан, стоящих на их защите, менялись в зависимости от складывавшейся обстановки.

Опытом и практикой борьбы подтвердилась необходимость укрупнения отрядов, в качестве основной формы объединения стала бригада. Организационное и боевое преимущество бригады состояло в том, что, сплотив несколько отрядов в единый военный организм под общим командованием и имея все достоинства крупного соединения, она в то же время сохраняла за отрядами автономность в дислокации, материальном обеспечении, пополнении личным составом, а также самостоятельность в решении собственных боевых задач. Объединенными силами всех отрядов бригада выступала только при проведении крупных наступательных операций, рейдов и при отражении карательных экспедиций противника. Наиболее гибкой в управлении, мобильной и маневренной в походе и бою зарекомендовала себя бригада из 4–5 отрядов в составе 500–600 человек. Создание летом 1942 г. бригад положило начало качественно новому этапу в организационном строительстве партизанских сил, их управлении и использовании. В дальнейшем они превратились в хорошо слаженные и вооруженные боевые соединения.

Одновременно с совершенствованием структуры партизанских сил сложилась система централизованного управления ими. На протяжении первых одиннадцати месяцев войны функции руководства партизанским движением осуществлялись многими партийными и государственными органами, параллелизм и несогласованность в деятельности которых негативно отражались на развитии народной борьбы в тылу врага. Природа и специфика партизанского

движения требовали нового подхода к использованию опыта, знаний, профессионализма партийных руководителей и военных специалистов. Центральный и фронтовые штабы партизанского движения, созданные по постановлению ГКО от 30 мая 1942 г., явились удачно найденной формой объединения структур, непосредственно участвовавших в формировании партизанских отрядов. В целях сохранения преемственности руководства и накопленного опыта аппарат штабов комплектовался на основе представительства от существовавших центров управления партизанским движением. Так, начальником ЦШПД был утвержден первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, с первых дней войны занимавшийся развертыванием народной борьбы в тылу врага. Членами штаба стали: от КГБ — комиссар госбезопасности 3-го ранга В. Т. Сергиенко, а от военной разведки — начальник отдела Главного разведывательного управления Генштаба генерал Т. Ф. Корнеев. В дальнейшем, когда штабы партизанского движения окрепли и установили с отрядами устойчивую связь, когда ведомственная подчиненность партизанских формирований была ликвидирована, от представительского принципа руководящих органов отказались.

Перед Центральным и фронтовыми штабами партизанского движения стояла задача дезорганизовать тыл противника путем развертывания массового сопротивления захватчикам в городах и населенных пунктах, разрушения его коммуникаций и линий связи, уничтожения складов и баз с боеприпасами, вооружением и горючим, нападения на воинские штабы, полицейские участки и комендатуры, административно-хозяйственные учреждения, усиления разведывательной деятельности и т. д.

К осени 1942 г. партизанское движение имело сложившуюся систему органов централизованного руководства как в центре, так и на местах. Проведенные мероприятия по ее совершенствованию были направлены на организацию более тесного взаимодействия партизан с действующей армией.

Большое значение для развития массового партизанского движения имело совещание в Кремле 1 сентября 1942 г. с участием Сталина и большой группы командиров брянских, украинских и белорусских партизанских отрядов, в ходе которого были решены многие давно назревшие практические вопросы, в том числе касавшиеся снабжения партизан оружием, боеприпасами и радиосвязью (для их доставки в тыл противника выделялся авиационный полк В. С. Гризодубовой). По итогам совещания был издан приказ НКО «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г.

Партизанским отрядам и соединениям предстояло усилить диверсионную деятельность на коммуникациях противника путем подрыва поездов, железнодорожных и шоссейных мостов; разрушать и дезорганизовывать тыл противника посредством

осуществления рейдов, организации засад, стремительных налетов на вражеские гарнизоны, уничтожения средств связи, подрыва складов и баз; увеличить размах и повысить уровень партизанской разведки в интересах Красной Армии, охватить ею все города и крупные населенные пункты; срывать попытки захватчиков использовать продукты сельскохозяйственного и промышленного производства для нужд германской армии и др.¹². Содержание приказа было изложено в передовой статье газеты «Правда» «За всенародное партизанское движение» от 14 ноября 1942 г. и доведено до населения оккупированной советской территории, партизан и подпольщиков.

Специфика партизанской борьбы, необходимость ее дальнейшего расширения и укрепления требовали подготовки специальных кадров. Вначале она велась на краткосрочных курсах в учебных центрах и на подготовительных сборах. В январе 1942 г. по указанию ЦК ВКП(б) в Москве были созданы партизанские спецшколы № 1, 2 и 3, во втором полугодии еще две: они готовили специалистов по тактике партизанских действий, подрывников, разведчиков, топографов и т. д. высокой квалификации. С образованием в мае 1942 г. ЦШПД спецшколы (они стали называться центральными) вошли в его подчинение. Одновременно при каждом фронтовом, а впоследствии и республиканском штабах были созданы свои школы. Сроки обучения в зависимости от специализации составляли от 1 до 3 месяцев. За июль 1941 — январь 1944 г. в различных учебных заведениях фронтовых, республиканских и центральных школ было подготовлено около 48 тыс. партизанских специалистов, в том числе 2,6 тыс. командиров-организаторов партизанских отрядов, 4,7 тыс. инструкторов подрывного дела, 30,7 тыс. подрывников, 2,5 тыс. радистов и др.¹³.

Деятельность спецшкол позволила перенести центр тяжести по подготовке кадров непосредственно в партизанские соединения и отряды. «Лесные академии» работали в партизанских соединениях под командованием С. А. Ковпака, А. Н. Сабурова, А. Ф. Федорова, М. Ф. Шмырева и других. Новая система подготовки партизанских кадров значительно повысила эффективность народной борьбы в тылу врага.

Одной из острых и неотложных задач, которой с первых дней занимались штабы партизанского движения, являлось установление широкой и устойчивой радиосвязи с отрядами. Без нее теряло всякий смысл само существование штабов. Радиосвязь должна была обеспечивать четкое и оперативное руководство боевыми действиями партизан, работу авиации по снабжению партизан, получение от партизан советским командованием разведанных. В стране, однако, не хватало радиостанций и квалифицированных радистов, самолетов для доставки их в тыл противника. Инструкторов-радистов для обучения

новых кадров приходилось собирать буквально по одиночке из различных ведомств. Постановлением от 4 сентября 1942 г. Государственный Комитет Обороны обязал Главное управление связи Красной Армии и Наркомат электропромышленности в пятидневный срок выделить в распоряжение ЦШПД по 250 раций типа «Север», РПО-1 и РПМ с запасом питания¹⁴. Формирование центрального радиоузла для связи с партизанами было закончено в августе 1942 г., и он принял на связь первых корреспондентов. К этому же времени завершилось развертывание работы радиоузлов фронтовых штабов партизанского движения. В июне 1942 г. радиостанции имели лишь четверть, а в середине октября — уже около половины партизанских формирований, находившихся на учете в ЦШПД¹⁵.

Большой вклад в укрепление связи партизан с Большой землей внесла авиация — гражданская и военная. Воздушным путем в тыл противника доставлялись материальные средства, газеты, кинопередвижки, типографии, даже музыкальные инструменты. Партизаны получили возможность вести переписку с живущими в советском тылу родными и близкими. С помощью авиации производилась эвакуация тяжело раненых и больных партизан, членов их семей. Нередко авиация по заявкам партизанского командования наносила бомбовые удары по скоплениям вражеских войск во время карательных экспедиций противника. Все это поднимало моральный и боевой дух партизан, придавало им больше уверенности и стойкости в бою.

Одним из основных и наиболее эффективных способов боевой деятельности партизан являлась дезорганизация путей сообщения противника. Железнодорожные коммуникации, растянувшиеся на сотни тысяч километров, были самым уязвимым объектом вражеского тыла. На слабо охраняемых участках партизаны группами по 5–7 человек систематически пускали под откос вражеские эшелоны. На сильно укрепленные железнодорожные станции и мосты нападали силами нескольких отрядов и долго выводили их из строя. Движение по шоссе и грунтовым дорогам прерывали засадами, завалами, волчьими ямами.

Показательно признание командующего группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока, который именно в катастрофическом положении транспорта видел одну из причин поражения своих войск под Москвой. «Русские, разрушив почти все сооружения на главных магистралях и дорогах, — писал он в своем дневнике 7 декабря 1941 г., — сумели так умело увеличить наши транспортные трудности, что фронту не хватает самого необходимого для существования и боев. Боеприпасы, горючее, продовольствие и зимнее обмундирование не поступают из-за катастрофического состояния железнодорожного транспорта и растянутости коммуникаций (до 1500 км), автотранспорт поставлен перед невыполнимыми тре-

бованиями. Его эффективность падает. Получается так, что сегодня у нас нет никакой возможности для значительного маневра»¹⁶.

С образованием Центрального и фронтовых штабов партизанского движения диверсионная деятельность партизан непрерывно наращивалась на тех направлениях, дезорганизация перевозок на которых в данный момент особенно интересовала советское командование. 27 июля 1942 г. ЦШПД утвердил «Оперативный план массированного удара по коммуникациям врага и узлам связи противника», который впервые диверсионную деятельность партизан тесно увязывал с планами военных советов фронтов. Содействуя войскам Ленинградского и Волховского фронтов в наступлении на мгинском направлении, ленинградские партизаны во второй половине 1942 г. пустили под откос 212 вражеских эшелонов (в 4,8 раза больше, чем в первую половину года), из них 55 эшелонов на основной магистрали Псков — Луга — Ленинград¹⁷.

Смоленские партизаны с июня по октябрь 1942 г., т. е. в ходе Ржевско-Сычевской наступательной операции войск Калининского и Западного фронтов, подорвали 300 вражеских эшелонов, или в 30 с лишним раз больше, чем за первое полугодие, взорвали 145 мостов¹⁸. В результате разрушения брянскими партизанами в сентябре 1942 г. моста через р. Навля, взорванного в самые критические дни Сталинградской битвы, железная дорога Брянск — Льгов не работала в течение полутора месяцев¹⁹. Белорусские партизаны с июня по декабрь 1942 г. сбросили с рельс 948 вражеских эшелонов, разрушили 168 железнодорожных мостов, уничтожили 1340 автомашин, 412 мостов на шоссе и грунтовых дорогах²⁰. Украинские партизаны в течение лета и осени 1942 г. взорвали 117 железнодорожных и шоссе мостов, подорвали на минах 158 вражеских эшелонов, разгромили 6 железнодорожных станций²¹. Всего в период летне-осенней кампании 1942 г. партизаны подорвали 1878 вражеских эшелонов, в среднем по 268 составов в месяц²².

Мужественная борьба партизан, поддерживаемая местным населением, за сравнительно короткий срок развернулась в массовое народное движение. К концу 1942 г. в нем участвовало 125 тыс. человек, объединенных в 1770 партизанских отрядов и бригад²³.

В ходе второго периода войны партизанское движение достигло своего наибольшего размаха. Численность партизан к концу 1943 г. увеличилась вдвое, до 250 тыс. человек²⁴. Благодаря возросшему боевому мастерству и установлению тесной связи с советским тылом партизанская война приобрела небывалую активность и эффективность. Из всех способов боевых действий на первое место выступили диверсии на коммуникациях противника, причинявшие оккупантам наибольший урон при минимальных собственных потерях. Успеху диверсий способствовали

непрерывный рост численности партизан и улучшение снабжения их специальной минно-подрывной техникой с Большой земли. Мины стали основным наступательным оружием, от разрушительной силы которых гитлеровцы несли более половины всех потерь, наносимых партизанами.

В 1943 г. партизаны Украины подорвали 3666 из 5 тыс. эшелонов, сброшенных за весь период их боевых действий²⁵. В июле этого года ЦШПД разработал план одновременного массового уничтожения рельсов на оккупированной захватчиками территории. Для проведения операции привлекалось 167 партизанских отрядов и соединений Белоруссии, Ленинградской, Калининской, Смоленской, Орловской областей и частично Украины численностью около 100 тыс. человек, т. е. почти половина всех партизанских сил, действовавших во вражеском тылу. В ночь на 3 августа, содействуя перешедшим в наступление войскам Воронежского и Степного фронтов, начался массовый подрыв рельсов на территории протяженностью по фронту около тысячи километров и глубиной до 750 км. Уничтожение рельсов сопровождалось крушениями поездов, взрывами железнодорожных мостов, станционных сооружений, нанесением ударов по вражеским гарнизонам, комендатурам, полицейским участкам, тыловым частям и подразделениям. Весь август и первую половину сентября продолжалась «рельсовая война», в результате которой было разрушено около 215 тыс. рельсов, что составляло 1342 км однопутного железнодорожного пути. На некоторых дорогах движение поездов остановилось на 3–15 суток, а магистрали Могилев-Кричев, Полоцк-Двинск, Могилев-Жлобин не работали в течение месяца. Все это вынудило гитлеровцев переделывать двухпутные участки дорог на однопутные, сваривать порванные рельсы и даже ввозить их из Польши и Германии.

С 19 сентября, когда советские войска подошли к Днепру, начался второй этап операции по разрушению вражеских коммуникаций, получивший кодовое название «Концерт». В дополнение к прежним участникам подключились партизаны Западной Белоруссии, Прибалтики, Карелии и Крыма общей численностью 120 тыс. человек. В итоге двух операций, с 3 августа по декабрь 1943 г., было подорвано 363 262 рельса (или 2270 км однопутного железнодорожного пути)²⁶.

Одновременно с разрушением железнодорожных путей партизаны Украины, Белоруссии и западных областей Российской Федерации с июля по октябрь 1943 г. пустили под откос 2946 эшелонов, в результате крушения которых разбилось 2807 паровозов, 25 528 вагонов и платформ, погибло более 100 тыс. гитлеровцев. В целях большей безопасности прекратилось ночное движение поездов, а скорость на ряде участков снизилась до 10–15 км в час. Объем перевозок грузов в августе-сентябре 1943 г. сократился на 35–40%²⁷.

Таким образом, в ходе Курской битвы и дальнейшего наступления Красной Армии было впервые достигнуто согласованное по времени и цели взаимодействие регулярных войск с крупными силами партизан. Рельсовые удары знаменовали собой не только новый этап борьбы на коммуникациях противника, но и мастерское использование партизанских сил в интересах наступающих фронтов. Массовый подрыв рельсов повлек за собой скопление на железнодорожных узлах и станциях большого количества воинских эшелонов противника, которые подвергались непрерывным налетам советской авиации.

В течение 1943 г. по сравнению с 1942 г. партизаны подорвали в пять раз больше поездов, разгромили в пять раз больше гарнизонов, штабов и других военных объектов противника, уничтожили почти в четыре раза больше его живой силы²⁸. Существенно увеличилась также площадь партизанских краев. Партизаны контролировали уже шестую часть советской территории (свыше 200 тыс. кв. км) в тылу немецких войск. Партизанские края являлись не только своеобразным тылом партизан. Они имели большое военное значение, способствовали успеху наступательных операций Красной Армии²⁹. В целом партизанское движение во втором периоде Великой Отечественной войны явилось фактором оперативно-стратегического значения в разгроме Германии и ее европейских союзников.

Завершающий этап народной борьбы в тылу врага (1944–1945 гг.) показателен еще более тесным взаимодействием партизанских сил с войсками Красной Армии. Этому способствовали приближение линии фронта к основным группировкам партизан, накопленный опыт совместных действий, а также предоставление республиканским и областным штабам партизанского движения большей самостоятельности в связи с расформированием в январе 1944 г. ЦШПД. Несмотря на роспуск партизанских отрядов, сражавшихся на освобожденных Красной Армией территориях Смоленской, Курской, Орловской, части Калининской областей, а также восточных районов Белоруссии и Украины, численность партизан в тылу противника к началу 1944 г. не уменьшилась, а продолжала расти. Только за первую половину года на оккупированной территории Украины и Белоруссии в отряды вступило около 95 тыс. человек, а количество партизан в Латвии в течение года увеличилось в 3 раза, в Эстонии — в 5 раз.

Главные усилия партизан по-прежнему были направлены на дезорганизацию коммуникаций противника. В 1944 г. ни одна крупная наступательная операция Красной Армии не планировалась командованием без привлечения партизанских сил.

Мощные удары Красной Армии слились с боевыми действиями многотысячной армии партизан в ходе операции «Багратион» по освобождению Белоруссии (23 июня — 29 августа 1944 г.). В ночь на 20 июня, за три дня до начала наступления советских

войск, партизаны атаковали железнодорожные коммуникации противника, парализовали его перевозки и лишили возможности маневрировать резервами. Только партизаны Брестской, Барановичской и Пинской областей сорвали переброску в группу армий «Центр» 4-й и 5-й танковых дивизий из группы армий «Северная Украина», а 28-й пехотной дивизии — из района группы армий «Север»³⁰. Прибыв к участку прорыва фронта с большим опозданием, они не смогли сыграть сколько-нибудь существенной роли при попытке сдержать наступление Красной Армии на минском направлении. Партизаны захватывали и удерживали до подхода своих войск переправы через реки Березина, Птичь, Неман и другие. Партизанские формирования в 1944 г. принимали непосредственное участие также в освобождении от захватчиков Карелии, республик Прибалтики, Украины, Крыма. Нанося удары по врагу с тыла, они оказали неоценимую помощь наступлению Красной Армии.

Большое место в боевой деятельности партизанских формирований занимала борьба с карательными силами противника. 18 августа 1942 г. Гитлер подписал директиву «Основные указания по усилению борьбы с партизанским движением на Востоке», которой ответственность за подавление народного движения в зоне боевых действий вермахта (оперативный тыл) возлагалась на начальника генерального штаба сухопутных войск, а на территории рейхскомиссариатов — на рейхсфюрера СС и начальника германской полиции Гиммлера³¹. Для подавления партизанского движения немецкое командование постоянно держало в своем тылу 15–16 дивизий. Кроме того, 7–8 дивизий, а также разведывательная и бомбардировочная авиация привлекались периодически при проведении крупных карательных операций. По немецким данным, только с ноября 1942 по март 1943 г. на оккупированной территории СССР против партизан было проведено 25 таких операций с использованием сухопутных соединений и авиации, войск СС и полиции, а также «восточных батальонов»³².

Накануне наступления на Курской дуге немцы предприняли попытку очистить от партизан южный массив Брянских лесов. Карательная операция под кодовым названием «Цыганский барон» проводилась с 16 мая по 6 июня 1943 г. Против 12 тыс. брянских партизан было брошено до 9 дивизий, в том числе 7-я и 292-я пехотные, 10-я моторизованная, 4-я и 18-я танковые и другие³³. Несмотря на перевес сил врага, партизаны, постоянно маневрируя, сумели не только выстоять, но и сохранить свою боеспособность, хотя понесли значительные потери: 2096 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Однако добиться поставленной цели — полностью уничтожить брянских партизан — гитлеровцам не удалось. Не досчитавшись 3952 человека убитыми, ранеными и попавшими в плен, они вынуждены были снять блокаду Брянских лесов, так как в задействованных против партизан регулярных войсках остро нуждался

фронт³⁴. Необходимость использования германским командованием крупной группировки регулярных войск для борьбы с партизанами накануне Курской битвы вызвала отсрочку начала операции «Цитадель». Этот факт был далеко не единичным случаем оперативного влияния боевых действий партизан на события фронтового значения.

В борьбе против партизан принимали участие и так называемые добровольческие «восточные» формирования из гражданского населения и из советских военнопленных. Первые «добровольческие» подразделения появились в июле–августе 1941 г. на оккупированной территории прибалтийских республик. С весны 1942 г., когда гитлеровцы остро почувствовали нехватку войск, они приступили к созданию восточных частей на всей оккупированной советской территории. Как свидетельствуют многочисленные источники, комплектование восточных формирований проводилось в лагерях для военнопленных из лиц, готовых служить оккупантам по идейным или шкурническим соображениям. Из них создавалось ядро будущего подразделения.

Число таких перебежчиков, как правило, было небольшим. Другие, зная, что в лагере их ждет голодная смерть, соглашались надеть фашистский мундир в надежде при удачном случае с оружием в руках перейти на сторону партизан или Красной Армии.

По назначению и характеру использования восточные войска подразделялись на четыре основные категории:

- охранные части, предназначенные для борьбы с партизанами и охраны военных объектов тыла;
- боевые части «Русской освободительной армии (РОА) и восточные национальные легионы, предназначенные для ведения боевых действий;
- полицейские формирования, как вспомогательная полиция немецкого военного и гражданского управления на оккупированной советской территории;
- так называемые хиви — сокращенное от немецкого слова «хильфсвиллиге» (дословно — желающие помогать) — отдельные военнопленные и гражданские лица, служившие в воинских частях на вспомогательных работах.

Между двумя первыми категориями восточных войск, т. е. охранными и боевыми частями, фактически не было четко выраженного различия, так как ни восточные легионы, ни части РОА оказались не способными к ведению боевых действий на советско-германском фронте. Но для борьбы с партизанами и населением немецкое командование считало их вполне подготовленными³⁵. Так, в группе армий «Центр» в декабре 1942 г. имелось более 90 частей и подразделений добровольцев, в которых из числа бывших советских граждан на офицерских, сержантских и рядовых должностях насчитывалось 30 364 человека³⁶. В донесении командования 4-й немецкой армии в штаб группы армий «Центр» от 18 декабря

1942 г. отмечалось: «Большинство восточных и казачьих частей несет службу охраны в тыловом районе армии, в тылу корпусов, дивизий, а также используется для охраны железных дорог. Часть из них ведет работу с партизанами... Во всех вышеперечисленных мероприятиях подразделения показали себя с хорошей стороны. Командные инстанции, которым подчинены восточные и казачьи части, особо отмечают, что личный состав подразделений охотно принимает участие в акциях против партизан. Все поставленные перед ними задачи были выполнены»³⁷.

Характеризуя действия 623-го казачьего батальона (491 доброволец, 23 немца), командование 3-й танковой армии в донесении от 14 декабря 1942 г. сообщало: «Казачий батальон используется в борьбе с партизанами, и при этом личный состав показал себя с хорошей стороны. Казаки быстро распознали тактику действий партизан, и уверенные действия на знакомой местности делают эти подразделения особенно ценными. В надежности личного состава в боевых условиях сомнений нет»³⁸.

В начале 1943 г. гитлеровцы приступили к созданию отдельных подразделений так называемой Русской освободительной армии во главе с бывшим советским генералом А. А. Власовым, перешедшим на службу немцам. Среди солдат и офицеров, вовлеченных в РОА путем обмана, шантажа и насилия, было немало таких, кто до пленения занимал в рядах Красной Армии высокие посты³⁹.

Со второй половины 1943 г. начался массовый переход солдат добровольческих формирований на сторону партизан. «Обстановка непрочности власти оккупантов, — докладывал 20 октября 1943 г. начальник Ленинградского штаба партизанского движения М. Н. Никитин военному совету Волховского фронта, — неверие в нее все больше и больше охватывает «добровольческие» части противника из военнопленных, русских полицейских и других прислужников немцев, вследствие чего разложение в их рядах начинает принимать массовый характер. Целыми подразделениями они, убивая немцев, уходят в леса или к партизанам, принося с собой оружие и боеприпасы»⁴⁰. «Перебежчики приходят к партизанам с полным оружием и боеприпасами, — говорилось в сообщении уполномоченного ЛШПД на Северо-Западном фронте подполковника А. Тужикова от 19 октября 1943 г. — Так, в 7-ю бригаду из батальона РОА пришло 138 человек, имея на своем вооружении 4 пулемета, 84 автомата, 44 винтовки, 1200 патронов и 3 радиостанции. Перед тем как уйти к партизанам, власовцы уничтожили 45-мм пушку, 3 станковых пулемета и 4 миномета»⁴¹. К концу года в составе этой бригады солдаты РОА составляли 12% личного состава. Всего по данным ЦШПД за период с 15 июня 1942 по 15 февраля 1944 г. на сторону партизан перешло 8887 человек⁴².

Значительное число лиц из гражданского населения оккупированных районов и военнопленных

находилось на службе во вспомогательной полиции. Она формировалась в большинстве населенных пунктов и состояла из 3–5 человек при каждом старосте, а также самостоятельных отрядов численностью 50–100 человек, которые располагались в крупных населенных пунктах. «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев, — вспоминал бежавший из плена лейтенант П. Е. Брайко, впоследствии командир партизанского полка, Герой Советского Союза. — Немец — это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила. Это значительно затрудняло наше передвижение по оккупированной территории»⁴³.

Местная полиция значительно облегчала работу немцев в борьбе с партизанами и подпольщиками, так как знала городской и сельский актив, за которым непрерывно охотилась. В донесении начальника тылового района группы армий «Центр» от 3 декабря 1942 г. сообщалось, что «полиция повсеместно хорошо зарекомендовала себя и сегодня является существенным фактором для усмирения населения»⁴⁴. К маю 1943 г. в ведении администрации рейхскомиссариатов насчитывалось примерно 300 тыс. человек в полицейских формированиях⁴⁵.

Самой многочисленной категорией советских граждан, поступивших на службу германской армии, являлись «хиви». Они организационно не состояли в добровольческих формированиях, а каждый порознь зачислялся в воинскую часть в качестве обслуживающего персонала. «Хиви» носили немецкую форму и работали на кухне, в различных мастерских, водителями автомашин, коноводами, возницами и т. д. В среднем в пехотной дивизии их насчитывалось до 10% от штатной численности соединения, а в транспортных колоннах до 50%⁴⁶. К началу 1943 г. в вермахте находилось до 400 тыс. «хиви»⁴⁷.

Важным участком боевой деятельности партизанских формирований было добывание разведывательной информации о противнике как для осуществления собственных операций, так и в интересах Красной Армии. Это был самый многочисленный отряд советских разведчиков. Только в составе партизанских отрядов и соединений Белоруссии находилось 24 тыс. человек, которым в сборе сведений о противнике помогали 19 тыс. связных из местных жителей⁴⁸. Множество глаз неустанно следили за передвижением вражеских войск по железнодорожным и шоссейным магистралям, отмечали места расположения аэродромов, воинских штабов, сосредоточения войск и техники, строительство оборонительных сооружений и т. д.

Разведдонесения от партизан стали поступать советскому командованию с первых дней боевой деятельности отрядов. В сентябре 1941 г. партизаны сообщили о сосредоточении крупных сил немецко-фашистских войск в районе Ярцево, Сафоново

и Духовщина, когда немцы готовили наступление на Москву, начатое 30 сентября 1941 г.⁴⁹. Отмечая важность разведанных для определения момента перехода войск Красной Армии в контрнаступление под Москвой, Г. К. Жуков вспоминал: «К 3–4 декабря на всех участках Западного фронта немецко-фашистские войска под ударами наших соединений начали переходить к обороне. Это значило, что операция по захвату Москвы оказалась для немецких войск непосильной.

Из опроса пленных, данных разведки и особенно из сообщений партизанских отрядов, действовавших в Подмоскowie, нам стало известно, что в тылу противника резервных войск нет. Все, что было у них, израсходовано ими в ноябрьском сражении»⁵⁰. В период контрнаступления советских войск под Москвой орловские партизаны передали фронтовому командованию сведения о 148 пунктах размещения и сосредоточения войск группы армий «Центр», о расположении 70 аэродромов и посадочных площадок, местонахождении 122 вражеских штабов, направлении движения 117 воинских эшелонов⁵¹.

Нередко партизанской разведке удавалось добыть сведения оперативно-стратегического значения. Благодаря самоотверженной деятельности партизан и подпольщиков Белоруссии и Украины в 1943 г. были получены данные о местонахождении ставки Гитлера в районе Винницы, о намерении врага предпринять наступление под Курском, о подготовке покушения на участников Тегеранской конференции, о дислокации штаба группы армий «Центр», всех входивших в ее состав армий и около 60 штабов корпусов и дивизий. Большую роль в раскрытии замыслов врага сыграл знаменитый советский разведчик Н. И. Кузнецов — Герой Советского Союза, боец особого партизанского отряда «Победители».

Отмечая заслуги партизанской разведки, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Партизаны снабжали советское командование разведывательными данными, которые помогли правильно оценить обстановку и замыслы вражеского командования на лето 1943 года»⁵².

Партизанским разведчикам удалось раздобыть основные технические данные танков новых конструкций «Тигр» и «Пантера», а также установить переброску их на центральный участок фронта. В результате появление и ввод в действие их в районе Курской дуги не явились неожиданностью для советских войск, а потому и не дали немецкому командованию тех преимуществ, на которые оно рассчитывало. Накануне наступательной операции «Багратион» белорусские партизаны и подпольщики выявили и подтвердили дислокацию в тыловых районах группы армий «Центр» 287 частей и соединений, 33 штабов, 900 гарнизонов, 130 зенитно-артиллерийских батальонов, 70 крупных складов и 985 км оборонительных рубежей противника⁵³. От украинских партизан за 1942–1944 гг. поступило 3625 важнейших разведывательных сообщений⁵⁴.

Столь высокой результативности в боевой деятельности партизанским формированиям удалось добиться фактически при полном самообеспечении. Главным источником их снабжения были трофеи, захваченные у противника, и помощь местного населения. Оружием, собранным на местах прошедших боев, вооружалось и воевало большинство отрядов в 1941–1942 гг. Зимой и весной 1942 г. население Дорогобужского, Ярцевского и других районов Смоленской области собрало и передало партизанам и действовавшим в то время в тылу врага частям кавкорпуса генерала П. А. Белова 150 станковых и 167 ручных пулеметов, около 14 тыс. винтовок, более 18 тыс. мин, 100 тыс. снарядов, около 800 тыс. патронов и другое вооружение⁵⁵.

В последующие годы, когда этот источник самообеспечения иссяк, партизаны добывали оружие и боеприпасы в боях с противником и частично за счет увеличившихся поставок с Большой земли. Однако хронический недостаток в вооружении и боеприпасах партизаны испытывали в течение всей войны, и это было большим препятствием, сдерживавшим эффективность партизанской борьбы в тылу врага.

Продуктами питания и одеждой партизаны обеспечивались также за счет противника и помощи местного населения. Для организованного проведения таких заготовок в каждом отряде имелись специальные хозяйственные подразделения. Основными продуктами питания являлись хлеб, который выпекался населением или непосредственно в отрядах, мясо, преимущественно конина, и овощи, большей частью картофель и капуста. Ежедневный рацион лесных бойцов летом 1942 г. в партизанских отрядах Могилевской, Минской, Орловской и Ленинградской областей состоял из 500–600 г хлеба, 150–200 г мяса и по потребности картофеля и других овощей⁵⁶. Острую нужду партизаны испытывали в таких продуктах, как соль, сахар, табак, которыми трудно было разжиться даже за счет противника.

Находясь в населенных пунктах, партизаны питались вместе с крестьянскими семьями, у которых они квартировали. Тяжелые испытания голодом выпадали на дни проведения оккупантами карательных операций или блокирования партизанских зон, когда иссякали продовольственные запасы. В такие моменты в пищу шло все, что считалось съедобным: различные травы, ягоды, грибы, кора и листья деревьев, резалась на лапшу и варилась кожаная обувь и т. д. Но и это не всегда выручало. В некоторых отрядах, например, в Крыму, наблюдались случаи голодной смерти. Результативность и эффективность партизанских действий в интересах Красной Армии была бы в несколько раз выше, если бы советский тыл сумел улучшить материальное обеспечение партизан.

Оккупированная фашистами советская территория не стала им обеспеченным тылом. Не оправдались надежды гитлеровцев «замирить» захваченные земли,

а проживавших на ней советских людей заставить безропотно работать на рейх. Историческая заслуга партизанского движения состоит в том, что оно организационно объединило сопротивление народных масс непосредственно в тылу врага, превратив его фактически во второй фронт. Оккупанты не знали покоя ни днем, ни ночью, и, по их многочисленным признаниям, нахождение в действующей армии было намного безопаснее, чем в ее тылу.

Партизанское движение было непреодолимо. Война в тылу врага выявила такие природные черты нашего народа, как мужество, бесстрашие, готовность к самопожертвованию во имя счастья и процветания родного Отечества. И как только ни зверствовали оккупанты против партизан и населения, но все-таки советские люди диктовали им «правила поведения». Это они заставили захватчиков держать на охране своих коммуникаций многотысячные войска, двигаться по ним не круглые сутки, как этого хотелось врагу, а только днем. Это они сорвали планы нацистского руководства использовать материальные и природные ресурсы оккупированной территории для обеспечения Германии и усиления ее армии, нанесли

врагу огромный урон. Ими было спущено под откос более 20 тыс. воинских эшелонов, взорвано около 2 тыс. железнодорожных и свыше 9,5 тыс. шоссежных мостов, уничтожено более 65 тыс. автомашин, 4,5 тыс. танков, 1100 самолетов, 2900 складов и баз и т. д.⁵⁷

Массовостью, высоким уровнем организованности и боеспособности партизанское движение опровергло расхожее слово «партизанщина» как синоним необузданной вольницы, распушенности и самоуправства. Это была миллионная армия народных мстителей со своими штабами, четкой системой управления, квалифицированными кадрами, твердой дисциплиной и собственной тактикой ведения войны. Свидетельством признания государством боевых заслуг советского партизана является учреждение медали «Партизан Отечественной войны» 1-й и 2-й степени, которой удостоены более 127 тыс. человек. Свыше 184 тыс. партизан и подпольщиков награждены орденами и медалями Советского Союза, а 248 человек удостоены звания Героя Советского Союза. Около двадцати командирам партизанских формирований было присвоено воинское звание генерал-майор.

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 20. Л. 183 (Далее: ЦАМО).

² Там же. Ф. 232. Оп. 612. Д. 99. Л. 121.

³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 1061.

⁴ Научный архив Института Российской истории РАН. Ф. 2. Разд. 2. Оп. 915. Д. 5. Л. 8 (Далее: ИА ИРИ РАН).

⁵ ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Д. 117. Л. 96.

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1109. Л. 1 (Далее: РГАСПИ).

⁷ Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 948. Л. 16, 17.

⁸ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 67. Л. 24, 25; Д. 64. Л. 19; ЦАМО. Ф. 202. Оп. 36. Д. 147. Л. 207; Д. 123. Л. 123.

⁹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 8. Д. 27. Л. 31.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 36. Д. 275. Л. 47.

¹¹ Пережогин В. А. Партизаны в Московской битве. М., 1996. С. 179–180.

¹² ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 72. Л. 91–93

¹³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 785а. Л. 15; Оп. 5. Д. 99. Л. 48, 49; Оп. 8. Д. 27. Л. 20, 25; Д. 28. Л. 42; Д. 30. Л. 71; Д. 31. Л. 111; ГАБ. Ф. 3500. Оп. 3. Д. 138. Л. 17; Вопросы истории. 1982. № 9. С. 97; Чекисты на защите столицы. М., 1982. С. 192.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 54. Л. 154.

¹⁵ Там же. Ф. 69. Оп. 1. Д. 15. Л. 97; Д. 784. Л. 6.

¹⁶ Цит. по: Безыменский Л. А. Укрощение «Тайфуна». М., 1987. С. 188.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1. Л. 39; Д. 81. Л. 32.

¹⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1716. Л. 173.

¹⁹ Партизаны Брянщины: Сб. документов и материалов. Тула, 1970. С. 307.

²⁰ Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1983. Т. I. С. 413, 414, 421.

²¹ Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. Киев, 1975. Т. I. С. 508.

²² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 10. Л. 23; Д. 784. Л. 7.

²³ История второй мировой войны. 1939–1945. М., 1976. Т. 6. С. 170.

²⁴ Там же. М., 1976. Т. 7. С. 315.

²⁵ Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944: В 2 кн. Киев, 1985. Кн. 2: Партизанская борьба. С. 223.

²⁶ Великая Отечественная война. 1941–1945. М., 1998. Кн. 2. Перелом. С. 343.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 10. Л. 153–154; Пономаренко П. К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944. М., 1986. С. 239.

²⁸ История Второй мировой войны. 1939–1945. М., 1977. Т. 8. С. 156, 161.

- ²⁹ Партия во главе народной борьбы в тылу врага 1941–1944 гг. М., 1974. С. 211.
- ³⁰ Долготович Б. Д. В одном строю — к единой цели. Минск, 1985. С. 124.
- ³¹ Военно-исторический журнал. 1988. № 3. С. 84, 85.
- ³² Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 2. С. 333.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 109. Л. 98.
- ³⁴ Там же. Д. 71. Л. 32; Д. 790. Л. 176.
- ³⁵ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 616. Л. 182
- ³⁶ Там же. Л. 59–66.
- ³⁷ Там же, л. 616.
- ³⁸ Там же. Л. 201
- ³⁹ Аргументы и факты. 1996. № 9/802.
- ⁴⁰ В тылу врага: Борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории Ленинградской области. 1943 г.: Сб. документов. Л., 1983. С. 207.
- ⁴¹ Там же. С. 201, 274
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 8. Д. 27. Л. 39.
- ⁴³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Разд. 2. Оп. 9/3. Д. 23. Л. 3.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 519. Л. 101.
- ⁴⁵ Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 4. С. 157.
- ⁴⁶ Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 32.
- ⁴⁷ Великая Отечественная война. 1941–1945. М., 1998. Кн. 1: Суровые испытания. С. 470.
- ⁴⁸ Доморад К. И. Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии 1941–1944 гг. Минск, 1995. С. 46.
- ⁴⁹ Правда. 1989. 8 мая.
- ⁵⁰ Цит. по: Куманев Г. А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. М., 1999. С. 170.
- ⁵¹ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 61. Л. 8.
- ⁵² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 3. С. 75, 76.
- ⁵³ Война в тылу врага. М., 1974. Вып. 1. С. 130.
- ⁵⁴ Народная война в тылу фашистских оккупантов на Украине. 1941–1944. Кн. 2. С. 282.
- ⁵⁵ Советские партизаны. М., 1961. С. 163.
- ⁵⁶ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 36. Д. 123. Л. 336; Петров Ю. Л. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л., 1973. С. 333.
- ⁵⁷ Пономаренко П. К. Непокоренные. М., 1975. С. 57.